

АННА ВЕЖБИЦКАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ
УНИВЕРСАЛИИ
И ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1999

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF – Moscow)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16423

Вежбицкая Анна

В 26 Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — I-XII, 780 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0032-7

В книге собран ряд работ Анны Вежбицкой, в совокупности иллюстрирующих различные аспекты применения языка элементарных концептов и семантических универсалий к всестороннему описанию языка и культуры. На основе эмпирических сопоставительных исследований Вежбицкая демонстрирует «духовное единство человечества», которое манифестируется в многообразии конкретных реализаций. В частности, в книге рассматриваются такие темы, как грамматическая семантика, анализ ключевых концептов различных культур, культурно обусловленные сценарии поведения.

ББК 81.031

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshlev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0032-7

9 785785 900325 >

- © Анна Вежбицкая, 1999
- © Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев.
Предисловие, 1999
- © А. Д. Шмелев. Перевод с англ., 1999
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Оглавление

<i>Предисловие</i>	vii
I. Из книги «Семантика: примитивы и универсалии»	
1. Введение	3
14. Семантическая основа грамматического описания и типология: переходность и возвратность	44
Литература	76
II. Семантика грамматики	
Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?)	91
Литература	131
Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи»	134
Литература	168
Семантика английских каузативных конструкций в универсально-типологической перспективе	171
Литература	221
Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика	224
Литература	257
III. Из книги	
«Понимание культур через посредство ключевых слов»	
1. Введение	263
2. Словарный состав как ключ к этносоциологии и психологии культуры: модели «дружбы» в разных культурах	306

3. Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «Свобода» в латинском, английском, русском и польском языках.	434
<i>Литература</i>	484
 IV. Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте	
«Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций»	503
<i>Литература</i>	524
Выражение эмоций в русском языке: заметки по поводу «Русско-английского словаря коллокаций, относящихся к человеческому телу»	526
<i>Литература</i>	545
Angst	547
<i>Литература</i>	607
Семантика междометия	611
<i>Литература</i>	647
 V. Лексика и прагматика в культурно-сопоставительном аспекте	
Японские культурные сценарии:	
психология и «грамматика» культуры	653
<i>Литература</i>	679
Немецкие «культурные сценарии»: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей	682
<i>Литература</i>	727
Значение Иисусовых притч:	
семантический подход к Евангелиям	730
<i>Литература</i>	771
Указатель семантических толкований	775
Библиографическая справка	777

Предисловие

Работы Анны Вежбицкой, включенные в настоящий сборник, иллюстрируют применение разработанного ею универсального «Естественного Семантического Метаязыка» (ЕСМ) к самым разным областям семантики: от описания значения частей речи или синтаксических конструкций до толкования евангельских притч и характеристики свойственных той или иной культуре сценариев поведения. Такая универсальная применимость ЕСМ соответствует точке зрения Вежбицкой, согласно которой единство лингвистической семантики определяется, в первую очередь, не единством предмета изучения, а единым инструментом анализа.

Работы Вежбицкой реализуют программу, намеченную почти три десятилетия тому назад и описанную в книге 1972 г. *Semantic Primitives*, посвященной поискам элементарных смыслов, из которых складываются значения всех слов естественных языков. Сам набор кандидатов на роль таких элементарных смыслов весьма изменился за время, которое прошло с тех пор; однако ключевые положения концепции, положенной в основу данного направления исследований, остались неизменными.

В соответствии с этими представлениями, значение любой языковой единицы может быть представлено как некоторая комбинация неразложимых элементарных смыслов. Указанные элементарные смыслы считаются принципиально вербализуемыми в любом естественном языке, причем при их вербализации должны использоваться достаточно простые слова, понятные рядовому носителю языка без дополнительных разъяснений. Таким образом, элементы, входящие в словарь ЕСМ, должны удовлетворять требованиям самопонятности, неразложимости и универсальности.

Требование самопонятности А. Вежбицкая подробно аргументирует в целом ряде своих работ. Она решительно возражает против распро-

страненной практики, в соответствии с которой в толкованиях естественноязыковых выражений используются слова, заимствованные из языка логики или математики, и указывает на то, что толковать слово *если* при помощи термина *импликация* — значит определять (интуитивно) известное через неизвестное, очевидное через неочевидное.

Требование самопонятности непосредственным образом связано с постулатом вербализуемости элементарных смыслов. Действительно, можно согласиться с тем, что *импликация* является более сложным понятием, нежели *если*: и исторически, и логически понимание терминов логики и математики опирается (по крайней мере, в неявном виде) на понимание их естественноязыковых аналогов. Однако вполне допустима и такая точка зрения (принятая, например, в глоссематике), в соответствии с которой, подобно тому, как неразложимые единицы плана выражения — фонемы — представляют собою «фигуры», каждая из которых, вообще говоря не несет никакого определенного содержания, так и для нечленимых единиц плана содержания — «фигур содержания» — нельзя указать никакого адекватного выражения. В последнее время сходную точку зрения высказал и аргументировал Ю. Д. Апресян (1994), который говорил в этой связи о «семантических кварках».

Семантическая неразложимость и универсальность кандидатов на роль элементарных смыслов подлежит эмпирической проверке. Лишь установив невозможность представить значение некоторого слова в виде какой-либо конфигурации элементарных смыслов, а также наличие слов, полностью тождественных ему по смыслу, во всех попавших в наше поле зрения языках, мы можем утверждать, что с большой долей вероятности мы имеем дело с семантически элементарной единицей (*semantic primitive*).

Вообще говоря, требования семантической неразложимости и универсальности являются логически независимыми. Могло бы оказаться, что некоторая семантически неразложимая единица получает лексическое выражение не во всех языках. Однако постулат вербализуемости заставляет исходить из того, что в любом из естественных языков подлинно элементарный смысл должен получать словесное выражение — хотя не обязательно имеет место взаимно однозначное соответствие между элементарными смыслами и выражающими их лексическими единицами (признается возможность таких явлений, как «склеенное» выражение некоторой комбинации элементарных смыслов, аллолексия и т. п.).

Постороннему наблюдателю подход Вежбицкой к межъязыковому сопоставлению кандидатов на роль элементарных смыслов может пока-

заться не вполне отвечающим ее же собственным принципам семантического анализа. Обнаруживая тончайшие различия между значениями близких по смыслу семантически неэлементарных слов (таких, например, как латинское *libertas* и английское *liberty*), Вежбицкая в то же время полностью приравнивает, скажем, смысл английского *want* и русского *хотеть* — несмотря на то, что в целом ряде контекстов обнаруживается их смысловая неэквивалентность (см. Апресян 1994). Возможные возражения отметаются тем, что, во-первых, элементарные смыслы могут быть в том или ином языке представлены полисемичными единицами (и тогда в «неэквивалентных» контекстах может просто реализоваться другое, неэлементарное значение), а во-вторых, соответствующие концепты могут занимать различное место в разных культурах (что, однако, не отменяет ни их тождества, ни элементарности), так что апелляция к ним в определенной ситуации может признаваться уместной в одной языковой общности и неуместной в другой.

Впрочем, необходимо отметить, что, независимо от возможных теоретических несогласий с подходом Вежбицкой, нельзя не признать практической целесообразности требований, предъявляемых ею к семантическому метаязыку. Если считать, что семантический метаязык используется для построения толкований, которые не зависели бы от конкретного языка и культуры, то нельзя не признать, что используемые в таких толкованиях семантически неразложимые единицы должны быть вербализуемы средствами любого языка. Может быть, верно, что «смысл, который не материализуется ни в каком отдельном слове естественного языка, ...и есть подлинный семантический примитив» (Апресян 1994). Но задача построения толкования требует использования слов естественного языка: мы не можем строить толкования, пользуясь невербализованными «кварками», а использование для обозначения этих кварков условных ярлыков, в свою очередь нуждающихся в определении, привело бы к тому, что толкования были бы непонятными или же круговыми. И, пожалуй, можно согласиться с тем, что выражения ЕСМ достаточно универсальны, чтобы пренебречь возможными незначительными семантическими различиями, возникающими при переводе их с одного естественного языка на другой, и достаточно самопонятны, чтобы не нуждаться в дальнейшем истолковании.

К сожалению, соображения объема не позволили включить, как это первоначально планировалось, в настоящий сборник 2 и 3 главы книги «Семантика: примитивы и универсалии», посвященные достаточно подробному описанию ЕСМ. Кратко опишем содержание этих глав.

Во второй главе Анна Вежбицка дает общий обзор элементарных смыслов по состоянию на 1996 г. Она отмечает, что исходный список из 14 элементов, постулированный в книге *Semantic Primitives* и сократившийся до 13 элементов в 1977 г., возрос до 37 в 1993 г., а затем и до 55. При этом из 14 исходных элементов 10 сохранились в списке и до настоящего времени, и 9 из них («субстантивы» Я, ТЫ, НЕКТО и НЕЧТО, «ментальные предикаты» ДУМАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ и СКАЗАТЬ и «демонстратив» ЭТОТ) можно считать наиболее достоверными претендентами на роль элементарных смыслов. Впрочем, достаточно проверенными Вежбицка считает все 37 элементов, исследованных в рамках исследовательского проекта, результаты которого нашли отражение в книге Goddard and Wierzbicka 1994: «субстантивы» Я, ТЫ, НЕКТО, НЕЧТО, ЛЮДИ; «детерминаторы» ЭТОТ, ТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ; «кванторы» ОДИН, ДВА, МНОГО (МНОГИЕ), ВЕСЬ/ВСЕ; «ментальные предикаты» ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ; «речь» СКАЗАТЬ; «действия и события» ДЕЛАТЬ, ПРОИЗОЙТИ/СЛУЧИТЬСЯ; «оценки» ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ; «дескрипторы» БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ; «время» КОГДА, ДО, ПОСЛЕ; «пространство» ГДЕ, НИЖЕ/ПОД, ВЫШЕ/НАД; «партономия и таксономия» ВИД/РАЗНОВИДНОСТЬ, ЧАСТЬ; «метапредикаты» НЕ, МОЧЬ, ОЧЕНЬ; «интерклаузальные связи» ЕСЛИ, ПОТОМУ ЧТО/ИЗ-ЗА, ВРОДЕ/КАК. Особое внимание Вежбицкая уделяет обоснованию включения в список новых элементов: «детерминатор» НЕСКОЛЬКО/НЕМНОГО, «усилителя» БОЛЬШЕ; «ментальных предикатов» ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ; «нументальных предикатов» ДВИГАТЬСЯ, ЕСТЬ(ИМЕЕТСЯ), ЖИТЬ; «пространство» ДАЛЕКО, БЛИЗКО; СТОРОНА; ВНУТРИ; ЗДЕСЬ; «время» ДОЛГО, НЕДОЛГО; СЕЙЧАС; «воображение и возможность» МОЖЕТ БЫТЬ, ЕСЛИ БЫ; «слова» СЛОВО. Вежбицкая отмечает, что с ростом числа элементов ECM становится более гибким и выразительным.

Глава 3 книги «Семантика: примитивы и универсалии» посвящена грамматике ECM — синтаксису универсальных семантических элементов. Вежбицкая исходит из представления, согласно которому не все грамматические модели являются лингвоспецифичными, некоторые модели приходится признать универсальными, и именно наличие универсальных грамматических моделей делает возможным взаимопонимание различных культур. Конечно, речь идет не об универсальных грамматических формах, а об универсальных законах сочетаемости семантических элементов. Вежбицкая всячески подчеркивает, что предлагаемое ею грамматическое описание носит сугубо предвари-

тельный характер; в то же время она указывает, что грамматические ограничения непременно должны приниматься во внимание при построении толкований и парофраз на ЕСМ.

Наряду с ЕСМ, метаязык, используемый Вежбицкой, включает лингвистическую терминологию, передача которой средствами русского языка иногда составляет отдельную переводческую задачу. Подчас возникает конфликт между желанием следовать общелингвистической традиции, наличием определенной традиции перевода соответствующего термина у Вежбицкой и, наконец, задачей возможно более точно передать стоящее за термином понятие. Так, ключевой для Вежбицкой термин *semantic primitive*, еще в книге 1972 г. использовался ею как аналог терминов Московской семантической школы «элементарное значение» и «элементарный смысл». По-русски термин «примитив» в то время практически не употреблялся и вошел в обиход позже как переводной эквивалент английского *primitive*. Однако представляется, что и сейчас его нельзя считать общеупотребительным, и, кроме того, с ним связываются нежелательные коннотации чего-то первобытного и неразвитого, тогда как термины *элемент*, *элементарный смысл* и т. д. вполне точно передают значение английского термина. Поэтому в большинстве случаев мы предпочитали в переводе говорить об элементарных смыслах (*semantic primitives*), элементарных концептах (*conceptual primitives*), избегая по возможности термина «примитив».

Несколько иное решение было принято при переводе важного для работ Вежбицкой термина *cultural script*, указывающего на принятую в данной культуре модель поведения. В русской традиции устоялся перевод этого термина как «культурно-обусловленный сценарий» (см. Вежбицка 1990; Вежбицкая 1996). Мы сочли целесообразным последовать за сложившейся традицией, хотя в работах Вежбицкой используется также несинонимичный термин *scenario*, который, естественно, приходилось передавать также как *сценарий*. Как кажется, это не может повести к каким бы то ни было недоразумениям.

Цитаты из лингвистических и философских работ, ранее переведившихся на русский язык, как правило (если это не приводит к существенным искажениям смысла), даются в соответствии с опубликованными переводами. Что же касается художественных текстов, мы следовали опубликованным переводам лишь в тех случаях, когда они были достаточно буквальными; иногда, наряду с буквальным переводом, для сопоставления приводился вольный художественный перевод.

В заключение назовем тех, кто участвовал в переводах работ Вежбицкой, вошедших в данную книгу. Статья «Редупликация в итальянском языке» переведена И. Ю. Юдиной, статья «Японские культурные сценарии» — А. С. Хорошкиной, статья «Немецкие “культурные сценарии”» — Ю. Н. Пановой и О. А. Хадарцевым. Кроме того, следует отметить, что в переводе статьи «*Angst*» участвовала Н. Л. Логутова, в переводе 14 главы («Транзитивность и рефлексивы») книги «Семантика: примитивы и универсалии» — А. А. Шмелев, в переводе 4 раздела (посвященного моделям дружбы в польской культуре) 2 главы книги «Понимание культур при помощи ключевых слов» — Д. И. Дасюк.

Т. Б., А. Ш.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Вопросы языкоznания. 1994. № 4.

Goddard C., Wierzbicka A. (eds). Semantics and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings. Amsterdam: John Benjamins, 1994.

Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус (перевод Р. М. Фрумкиной) // Язык и структура знаний. М., 1990.

Вежбицкая А. Концептуальные основы психологии культуры (перевод А. И. Польторацкого) // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

I

**Из книги
СЕМАНТИКА:
ПРИМИТИВЫ И УНИВЕРСАЛИИ**

Введение

1. Язык и значение

Язык — это инструмент для передачи значения. Структура этого инструмента отражает его функцию, и только в свете этой функции он может быть понят надлежащим образом. Исследовать язык, не обращаясь к значению, это все равно что изучать дорожные знаки с точки зрения их физических характеристик (каков их вес, каким типом краски они покрашены и т. п.) или же изучать структуру глаза, не говоря ни слова о зрении.

Как ни странно, многие лингвисты исследуют язык именно таким образом. Наука о языке, в которой значению в лучшем случае отводится абсолютно маргинальное место, есть аномалия и аберрация (что само по себе может послужить увлекательным предметом исследования для будущих историков лингвистики), и, разумеется, не все современные лингвисты подходят к языку с этих позиций. Тем не менее, в университетских программах, принятых сегодня многими лингвистическими факультетами в разных странах мира, «формальный синтаксис» занимает гораздо более центральное положение по сравнению с семантикой (исследованием значений), а сама семантика все еще нередко третируется как маргинальная область.

Особенно большое влияние на формирование «лингвистики без значения» оказали два американских лингвиста XX века: Леонард Блумфилд и Ноэм Хомский.

Блумфилд (в отличие от своего великого современника и сооснователя американской лингвистики Эдуарда Сепира) страшился значения и был склонен избавиться от него путем отнесения его исследования к ведению других дисциплин, таких как социология или психология. Причиной этого страха было то, что Блумфилд хотел основать лингвистику как науку, но при этом считал, что значение не может изучаться с той же степенью строгости, как языковые звуки и формы. Бихевиоризм Блумфилда вынуждал его считать любое обращение к идеям, концептам, мыслям или разуму ненаучным; термин «ментализм» употреблялся им и многими другими влиятельными лингвиста-

ми его поколения как бранное слово¹. Рэнди Аллен Харрис, автор книги «The Linguistics Wars» (Harris 1993: 27—8), выразил это следующим образом: «Идеи Блумфилда определили характер лингвистики тех времен: что она [лингвистика] является описательной и таксономической наукой, подобной зоологии, геологии и астрономии; что умозрительные размышления означают мистицизм и выход за пределы науки; что на все существенные психологические вопросы (узнавание, знание и пользование языком) даст ответы бихевиоризм; что значение лежит вне сферы научного исследования».

Часто говорят в защиту Блумфилда, что гонителем значения из храма лингвистики был не он сам, а «блумфидианцы» и «постблумфидианцы» (и особенно наставник Хомского, Зеллиг Харрис). Например, Мэтьюз (Matthews 1943: 114) указывает, что даже «в одной из своих последних общих статей он (Блумфилд) продолжал со всей определенностью утверждать, что в “языке формы не могут быть отделены от значений”» (1943: 114). Но есть все основания говорить, что постблумфидианцы всего лишь довели блумфидовскую позицию, по сути своей (хотя и непоследовательно) антисемантическую, до ее логического завершения.

Мэтьюз пытается объяснить, как получилось, что преемники Блумфилда «пришли к убеждению, что формы могут и должны описываться без обращения к значению», и «почему, принимая теорию, в которой разделение формы и значения считалось аксиомой, они были так уверены в том, что являются его продолжателями». Он замечает, что, несмотря на декларации относительно центральности значения, а также важности его исследования, те требования, которые Блумфилд предъявлял к его эффективному описанию, закрывали все двери перед научным исследованием (Matthews 1993: 115). Мэтьюз пытается дистанцироваться от этого заключения, но, на мой взгляд, оно неизбежно.

Блумфилд не «отвергал» значение в том смысле, чтобы избегать какого бы то ни было упоминания о нем в лингвистическом описании, но он и в самом деле хотел исключить семантические соображения из лингвистического анализа. Например, он высмеивал идею о том, что грамматическая категория числа (ед. число versus множ. число) имеет под собой семантическое основание и может быть определена путем обращения к значению: «в школьной грамматике класс существительных множественного числа определяется с помощью значения ‘более, чем одно’ (лицо, место, вещь), но кто сможет на основании этого догадаться, что *oats* ‘овес’ — это

¹ Как указал близкий сотрудник Сепира, Моррис Сводеш (Swadesh 1941: 59), другой убежденный бихевиорист, Туодделл, «критиковал Сепира как менталиста, занимающегося “непознанным и непознаваемым разумом”».

множественное число, а *wheat* 'пшеница' — это число единственное? Общие значения классов, подобно всем другим значениям, не поддаются доступному лингвисту определению» (Bloomfield 1933/1935: 266)².

Сам Блумфилд отрицал, что он когда-либо намеревался решиться на такое «предприятие, чтобы изучать язык без значения, просто как бессмысленный звук» (письмо к Фризу, цитируемое в Hymes & Fought 1975: 1009); однако идея его книги «*Language*» звучала не менее громко и отчетливо: внутри «лингвистической науки» для семантики места нет, по крайней мере в обозримом будущем.

Мы определили значение языковой формы как ситуацию, в которой говорящий ее произносит, и как реакцию, которую она вызывает у слушающего... Ситуации, которые побуждают человека говорить, охватывают все предметы и события, которые происходят в его мире. Чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего в его мире. Однако объем человеческой памяти чрезвычайно мал. Мы можем правильно определить значение той или иной языковой формы лишь в том случае, если это значение относится к чему-либо, о чем мы обладаем достаточными научными познаниями. Мы можем определить названия минералов, например, в терминах химии или минералогии, когда мы говорим, что обычным значением английского слова *salt* 'соль' является 'поваренная соль (NaCl)'; мы можем определить названия растений или животных с помощью специальных терминов из области ботаники или зоологии, но у нас нет способа точно определить такие слова, как *love* 'любовь' или *hate* 'ненависть', связанные с ситуациями, которые еще не были расклассифицированы,—а ведь таких слов подавляющее большинство...

Определение значений является, таким образом, уязвимым звеном в науке о языке и останется таковым до тех пор, пока человеческие познания не сделают огромного шага вперед по сравнению с современным их состоянием. На практике мы определяем значение той или иной формы, где это возможно, с помощью терминов какой-либо другой науки. Там же, где это невозможно, мы прибегаем к окольным приемам³ (Bloomfield 1933/1935: 139—40).

² Удивительно, что Блумфилд не обратил никакого внимания на тот факт, что слово *oats* — это не то «множественное число», которое контрастирует с единственным (подобно, например, тому, как *dogs* контрастирует с *dog*), и на то, что оно не принадлежит на самом деле к тому же «формальному классу», что и *dogs*. «Формальный класс», к которому принадлежит *oats*, а также его инвариантное значение обсуждаются в главе 13 [книги *Semantics: Primes and Universals*]. (См. также Wierzbicka 1988.)

³ То, что Блумфилд называет « NaCl » «обычным значением» английского слова *salt*, как и его замечания по поводу названий растений и животных, является яркой иллюстрацией того, что он не отличал научное знание от «обычного значе-

Итак, для Блумфилда значение могло быть объектом референции, но не объектом исследования, и, зная его «антименталистскую», бихевиористскую концепцию значения, мы едва ли могли ожидать чего-то другого.

Как отмечено Хаймсом и Фоутом (Hymes and Fought 1975: 1010), «Блумфилд включил значение в свою концепцию языковой структуры, но не в свою недолговечную лингвистическую теорию... скептицизм в отношении практической возможности эксплицитным образом инкорпорировать значение в лингвистический анализ привел к определенным сдвигам в теории... к тому, что блумфилдианцы стали... всецело опираться на дистрибуционные модели».

В результате «когнитивной революции» конца 50-х — начала 60-х годов был изгнан (или это так казалось) призрак бихевиоризма, а мышление (*mind*) и значение стали центральным предметом интереса гуманитарных наук вообще и лингвистики в частности. Процитирую одного из главных персонажей «когнитивной революции» Джерома Брунера: «Эта революция была направлена на то, чтобы вернуть 'интеллект' ('*mind*') в лоно гуманитарных наук после долгой холодной зимы объективизма» (Bruner 1990: 1). Для Брунера «интеллект» (*«mind»*) тесно связан со значением: «Позвольте мне рассказать вам сначала, как я и мои друзья понимали смысл революции, которая произошла здесь в конце пятидесятых годов. Это была, думали мы, напряженная борьба за то, чтобы возвести значение в ранг центрального концепта психологии — не стимулы и реакции, не непосредственно наблюдаемое поведение, не биологические импульсы и их трансформация, а именно значение» (с. 2). Но Брунер, по его собственным словам, не разделяет «обычных представлений о неуклонно движущемся только вперед прогрессе» (с.1); по его мнению, «эта революция в настоящее время превратилась в несколько разных течений, уклонившихся от первоначального русла и маргинальных относительно того импульса, который ее вызвал. В самом деле, то, как она была техницизована, скорее даже подрывает этот первоначальный импульс» (с. 1). Из поля зрения выпало не что иное, как значение.

Очень рано, например, акцент стал перемещаться от «значения» к «информации», от создания значения к обработке информации. Это глубоко различные вещи. Ключевым фактором, участвовавшим в названном сдвиге, было введение компьютеризации как господствующей метафоры и компьютерности как необходимого свойства хорошей теоретической модели. Информация индифферентна к значению (с. 4).

ния». Подробное обсуждение этих вопросов см. в главах 11 и 12. Что до названий эмоций (таких как *love* и *hate*) — см. главу 5 [книги *Semantics: Primes and Universals*].

Очень скоро компьютация стала моделью мышления (*mind*), а вместо концепции значения возник концепт компьютерельности (с. 6).

Было неизбежно, что вместе с появлением компьютации как метафоры новой когнитивной науки и компьютерельности как необходимого, если не достаточно-го, критерия теории, с которой можно работать в рамках новой науки, вновь появятся рецидивы застарелой болезни, связанной с неприятием ментализма (с. 8).

Брунер порицает «когнитивную революцию» за ее измену своему прежнему взгляду на значение как на главный предмет интереса, за то, что она предпочла значению 'обработку информации' и компьютацию (с. 137), и настаивает на том, «чтобы психология оставила попытки быть 'свободной от значения' (meaning-free) в своей системе объяснения» (с. 20).

Но если «когнитивная революция», отдалившись от значения, тем самым предала психологию, то что можно сказать о лингвистике, в которой ранние многообещающие ссылки на «мышление» (как в книге Хомского «Язык и мышление») привели лишь к преувеличенному увеличению разными «формализмами» и в которой «свободный от значения» синтаксис господствовал в течение нескольких десятилетий, узурпировав место, по праву принадлежащее исследованию значения? Оливер Сакс суммирует «прегрешения» «когнитивной революции» следующим образом: «Брунер описывает, как этот первоначальный импульс был извращен и вытеснен понятиями компьютации, обработки информации и т. д., а также идеей компьютерной (и хомскянской) лингвистики относительно возможности отделения синтаксиса языка от его семантики» (Sacks 1993: 48). Сакс решительно поддерживает позицию Брунера и комментирует: «Многие исследователи, начиная от Буля с его "Законами мышления" второй половины XIX века и кончая пионерами искусственного интеллекта нашего времени, придерживались живучего представления о том, будто можно иметь интеллект (*intelligence*) или язык, основанный на чистой логике, без вмешательства чего бы то ни было столь же путаного, как значение».

К сожалению, как отмечает Сакс, это живучее представление разделял Ноэм Хомский, главный *spiritus movens* «когнитивной революции» в лингвистике, влияние которого в этой области едва ли можно переоценить.

Несмотря на свою менталистскую, антиблумфилдовскую позицию, в отношении к значению Хомский всегда оставался (и остается) блумфилдианцем. Как и у Блумфилда, «у него... было глубокое методологическое отвращение к значению, и его работа придала новую силу